

Блаженъ, кто бодрствуетъ въ молитвахъ, чтеніи и добрыхъ дѣлахъ: онъ просвѣтится и не уснетъ въ смерть.

Блаженъ, кто сталъ прекраснымъ образцомъ для ближняго и не уязвилъ совѣсти подобнаго себѣ раба дѣлами недозволенными: онъ будетъ благословляемъ о Господѣ.

Блаженъ, кто всегда любитъ истину и устъ своихъ не далъ лжи въ орудія нечестія, боясь заповѣди о праздномъ словѣ.

Блаженъ, кто не осуждаетъ какъ не мудрый ближняго, но какъ человѣкъ разумный и духовный, старается вынуть бревно изъ своего глаза.

Блаженъ, кто имѣетъ предъ очами день исшествія и возненавидѣлъ гордыню, прежде нежели обличена смертію естественная наша немощь, согнивающая во гробѣ.

Блаженъ, кто духовными разумѣніями взираетъ на блестящій славою сонмъ звѣздъ и на красоту небесную и желаетъ узрѣть Творца всяческихъ.

Блаженъ, кто имѣетъ надежду не на человѣка, но на Господа, грядущаго паки со славою мною судить вселенную въ правдѣ, потому что будетъ онъ какъ дерево, растущее при водахъ, и не перестанетъ приносить плодъ.

Блаженны трезвящіеся всегда по Богу, потому что въ день суда будутъ защищены

Богомъ, и ставъ сынами брачнаго чертога въ радованіи и веселіи увидятъ Жениха,

Блаженъ, кто возненавидѣлъ злосрадный грѣхъ и гнушается имъ возлюбилъ же Единого и человѣколюбиваго Бога.

Блаженъ, кто сталъ непорочнымъ предъ Богомъ, непорочнымъ и чистымъ отъ всѣхъ сквернъ, отъ помысловъ и дѣлъ лукавыхъ.

Блаженъ, кто имѣетъ въ умѣ будущій страшный день и старается слезами врачевать язвы души своей.

Блаженъ, кто шествуетъ путемъ заповѣдей Господнихъ и каждый день открыто ищетъ себѣ пристанища въ вѣрѣ и любви.

Блаженъ, кто помнитъ страшное повелѣніе о праздномъ словѣ и къ устамъ своимъ приставляетъ стражей, чтобъ не отпадали отъ заповѣди.

Блаженъ, кто какъ огнемъ разжигаетъ любовію ко Господу и попалилъ въ себѣ всякій нечистый помысль и всякую душевную скверну.

Блаженъ, кто непрестанно помнитъ день своего исшествія и старается оказаться въ этотъ часъ готовымъ и безстрашнымъ.

Блаженъ, кто нашелъ дерзновеніе въ часъ разлученія, когда душа со страхомъ и болѣзнями разлучается съ тѣломъ, потому что приходятъ Ангелы взять душу, разлучить ее съ тѣломъ и поставить предъ престоломъ страшнаго судилища.

Духовныя прозрѣнія Пушкина въ драмѣ «Борисъ Годуновъ»*)

Прошло уже около ста лѣтъ со смерти Пушкина, однако, онъ остается единственнымъ и никѣмъ не превзойденнымъ изъ нашихъ послѣдующихъ писателей. Его яркій, сверкающій талантъ не перестаетъ

*) Одной изъ темъ для работы въ религиозно-литературныхъ кружкахъ, потребность въ которыхъ начинается ощущаться, могли бы быть «религиозныя біографіи» нашихъ писателей. Статья Высокопреосвященнѣйшаго Архіеп. Анастасія съ одной стороны — раскрываетъ существующія въ этомъ отношеніи возможности; съ другой — намѣчаетъ и методы построенія такихъ «біографій духа».

насъ плѣнять своею неувыдаемою юностью и свѣжестью, какъ и поражать своимъ всеобъемлющимъ характеромъ. Достоевскій не напрасно называлъ нашего великаго поэта всечеловѣкомъ: ему дано было вмѣстѣ все, что способенъ обнять человѣческій духъ — и небо и землю, и «горній ангеловъ полетъ и дольной лозы прозябанье».

Съ наибольшою силою эта исключительная широта и высота его дарованія отразилась въ «Борисѣ Годуновѣ». «Борисъ Годуновъ» несомнѣнно, одно изъ наиболее глубокихъ и зрѣлыхъ произведеній творчества Пушкина; не напрасно самъ авторъ, являющійся часто наиболее строгимъ су-

дьею своихъ произведеній, былъ въ восторгѣ отъ своей драмы, когда перечиталъ ее въ совершенно законченномъ и отдѣланномъ видѣ.*)

Нельзя не изумляться тонкому художественному чутью, съ какимъ онъ изображаетъ здѣсь сложное сплетеніе чело-вѣческихъ страстей, борющихся между собою и съ неумолимымъ голосомъ совѣсти, какъ носительницы вѣчной правды, что составляетъ основу каждой трагедіи. Однако этотъ психологическій матеріалъ всегда былъ доступенъ наблюденію автора, отчасти онъ могъ почерпнуть его и изъ своего внутренняго опыта, ибо самъ былъ обуреваемъ въ эту пору пламенными страстями. Но какимъ образомъ молодой 25 лѣтній поэтъ, какимъ тогда былъ Пушкинъ, возвращавшійся почти исключительно въ свѣтской средѣ, обвѣянной вліяніемъ болѣе французской, чѣмъ русской культуры, могъ такъ глубоко и искренне перевоплотиться въ образъ монастырскаго старца Пимена — это остается для насъ тайной. Нѣкоторое проясненіе послѣдней мы можемъ найти только въ творческихъ свойствахъ генія, который, однако, сѣмъ является чудомъ природы, — въ томъ свѣтломъ озареніи духа, какое даетъ чело-вѣку вдохновеніе, послѣднее не напрасно называется иногда святымъ : въ немъ можно видѣть одну изъ формъ естественнаго откровенія въ мірѣ.

Пушкинъ глубоко чувствовалъ эту неземную силу, трепетавшую въ его груди, и потому самое призваніе свое, какъ поэта, отождествлялъ съ «пророческимъ» служеніемъ. Только при свѣтѣ этого высокаго дарованія онъ могъ создать своего Пимена и нравственно сродниться съ нимъ, ибо всѣ духовныя вершины, стремясь къ одному центру, невольно сближаются между собою.

Пименъ не есть только какъ бы живой историческій лѣтописецъ, вызванный изъ глубины вѣковъ творческимъ воображеніемъ поэта, но и лучшее олицетвореніе красоты православнаго созерцательнаго

монашества, какое есть въ нашей изящной литературѣ. Этотъ чудный образъ не былъ бы обвѣянъ такою теплотою, не дышалъ бы такою жизненностью, естественностью и простотою,*) если бы Пушкинъ не выносилъ его въ себѣ и не положилъ на него печати своего свѣтлаго гармоническаго генія.

Вся знаменитая сцена — «Келья въ удовомъ монастырѣ» полна высокаго художественнаго проникновенія. Здѣсь мы чувствуемъ дыханіе подлинной поэзіи, которая, по вѣрному опредѣленію Бѣлинскаго, есть «идеализація реального и реализація идеальнаго».

Трепетную и вмѣстѣ дерзновенную рукою Пушкинъ вводитъ насъ въ сокровенную отъ міра монашескую келію, посвящаетъ въ ея внутренній бытъ, даетъ намъ оцутить ея безмятежную сладостную тишину. Въ то время, какъ Пименъ пишетъ передъ лампадою, — мы живо чувствуемъ эту окружающую его атмосферу мира и покоя, среди которыхъ явственнѣе слышатся глаголы вѣчности. Когда онъ говоритъ, тихая мѣрность его рѣчи вполне отвѣчаетъ ясности и чистотѣ его духа, отрѣшившагося отъ земной суеты. Нашъ поэтъ сумѣлъ проникнуть въ законъ духовной жизни, по которому только тотъ носить невозмутимый міръ въ дунѣ, кто самъ умеръ для міра. Отрѣшившись отъ всего, онъ подлинно всѣмъ обладаетъ и прежде всего познаніемъ вѣчной истины и правды, дѣлающимъ его свободнымъ и мощнымъ въ самомъ его смиреніи и самоограниченіи и мудрымъ въ его простотѣ. Только съ высоты такого царственнаго безстрастія Пименъ могъ такъ невозмутимо и объективно обозрѣвать событія прошлаго и настоящаго, увѣковѣчивая ихъ въ своей лѣтописи.

Пушкинъ разсмотрѣлъ лучи не только ковно-нравственнаго, но и умственнаго свѣта, разливавшагося изъ нашихъ обителей — этихъ первыхъ очаговъ русской культуры.

Полную противоположность настроенію Пимена мы видимъ въ его ученикѣ или послушникѣ Григоріи. Послѣдній воплощаетъ въ себѣ еще непретворенную мірскую стихію, вторгшуюся подъ сѣнь тихой обители; весь во власти своихъ страстей, онъ лишенъ духовной свободы

*) По словамъ его біографовъ, Пушкинъ прыгалъ тогда отъ радости и, ударяя себя по головѣ, говорилъ: «Ай, да Пушкинъ!» Очень ревниво относился авторъ къ этому своему произведенію и впоследствии и поэтому только воздерживался отъ его печатанія въ теченіе 5 лѣтъ, «что боялся быть неощеннымъ публикой».

*) Черта, которой недостаетъ даже стра-цу Зосимѣ Достоевскаго.

и по своему нравственному облику такъ же мало походить на своего старца, какъ тихое сіяніе лампы на дымящее пламя костра.

Пушкинъ нарочито создалъ здѣсь впечатлѣніе нравственнаго контраста, чтобы тѣнь Григорія ярче оттѣняла свѣтящійся обликъ Пимена.

Опытнымъ духовнымъ взоромъ старецъ читаетъ въ мятежномъ сердцѣ своего ученика и голосомъ, полнымъ нѣжной отеческой любви и снисхожденія врачуешь его духовные недуги. «Младая кровь играетъ» внушаетъ онъ Григорію, встревоженному искусительнымъ сномъ.

Смирйя себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ
будуть

Исполнены. Донинѣ — если я,
Невольною дремотой обезсилень,
Не сотворю молитвы долгой къ
ночи,

Мой старый сонъ не тихъ и не
безгрѣшенъ;

Мнѣ снятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки
боевыя,

Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ.

Такъ всегда поступаютъ истинные духовные врачи, принимающіе на себя немощи немощныхъ и смиряющіеся до готовности раздѣлить съ ними вину за грѣхъ, чтобы смягчить ихъ сердце и возбудить въ немъ чувство раскаянія.

Когда будущій самозванецъ, жаждущій красочной свободной жизни и терзаемый неудовлетвореннымъ тщеславіемъ, начинаетъ завидовать Пимену, видѣвшему болѣе счастливые и славные дни во время своей молодости, послѣдній успокаиваетъ его суетныя вождельнія слѣдующими наставленіями отъ своего опыта:

Не сѣтуй, братъ, что рано
грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь
ты мнѣ:

Насъ издали плѣняютъ слава,
роскошь

И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ

наслаждался,
Но съ той поры лишь вѣдаю
блаженство,

Какъ въ монастырь Господь меня
привелъ.

Развѣ не сходить отъ этихъ благоуханныхъ словъ благодатное утѣшеніе въ душу каждаго, кто борется съ соблазнами жизни и развѣ не слышится здѣсь голосъ умудренныхъ аскетовъ Добротолубія, нашедшій неожиданный откликъ въ сердцѣ молодого поэта, столь далекаго отъ нихъ по образу жизни и столь сроднаго имъ по настроенію, въ минуты духовнаго прозрѣнія.*)

Замѣчательно, что послѣ этой бесѣды Пимена съ Григоріемъ Пушкинъ помѣстилъ сначала другую сцену въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ изобразилъ встрѣчу скупающаго монастырскимъ уединеніемъ Григорія съ подобнымъ ему по духу «злымъ чернецомъ», давшимъ ему совѣтъ объявить себя Димитріемъ.

Художественное чутье однако подсказало потомъ поэту, что эта вставка нарушала бы возвышенное и строгое впечатлѣніе, остающееся въ душѣ читателя отъ облика Пимена, и онъ рѣшилъ выпустить эту сцену, помѣщаемую нынѣ обычно только въ видѣ приложения къ тексту драмы вмѣстѣ съ другими ея вариантами.

Отрицательные типы монашества въ лицѣ двухъ бродячихъ иноковъ Мисаила и Варлаама, напоминающихъ собою растеніе, оторванное отъ почвы, или листья, отпавшіе отъ дерева, представлены Пушкинымъ въ другомъ мѣстѣ — въ сценѣ, озаглавленной словами: «Жорчма на Литовской границѣ». Поэтъ показалъ и въ этомъ случаѣ большое знаніе оригинала и сообщилъ обоимъ своимъ героямъ характерныя бытовья черты съ ритмическимъ складомъ ихъ чисто народной рѣчи.

Однако, слѣдуя внушенію того же чувства гармоніи, оберегавшаго его отъ крайностей, онъ не заклеилъ ихъ «презрительнымъ стихомъ», но предпочелъ и здѣсь «милость къ падшимъ призывать», придавъ и Варлааму и Мисаилу нѣсколько легкомысленный, но добродушный обликъ, не вызывающій ни негодующаго отвращенія

*) Погодинъ, бывший въ небольшомъ кружкѣ лицъ, предъ которыми самъ Пушкинъ впервые прочиталъ свою драму, говоритъ, что бесѣда лѣтотеліса съ Григоріемъ всѣхъ «ошеломила». По окончаніи чтенія всѣ бросились обнимать автора. Поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы... Мицкевичъ сравнилъ Пушкина съ Шекспиромъ.

къ нимъ самимъ, ни чувства горечи за оскорбленный ими высокій идеаль.

Православно-церковная стихія, проникавшая весь строй русской жизни въ эпоху Годунова, органически входитъ во всѣ моменты драмы Пушкина и всюду, гдѣ бы авторъ ни соприкасался съ нею, онъ описываетъ ее яркими и правдивыми красками, не допустивъ ни одной ложной ноты въ самомъ тонѣ повѣствованія объ этой сторонѣ русскаго быта и ни одной технически невѣрной подробности въ ея изображеніи.

Возьмемъ ли бесѣду Патріарха съ Царемъ и особенно его умилительный по непосредственности дѣтской вѣры рассказъ объ исцѣленіи слѣпного у гроба Царевича Дмитрія, обратимъ ли вниманіе на юродиваго, который не хочетъ «молиться за Царя-Ирода», ибо «Богородица не велить», на описаніе предсмертнаго постриженія Бориса въ схиму или набросанный какъ бы мимоходомъ портретъ патера-іезуита, отравляющаго сердце самозванца своими «мудрыми», столь чуждыми духу Православія совѣтами — Пушкинъ вездѣ обнаруживаетъ одинаковую глубину проникновенія въ духовный бытъ и религиозное міровоззрѣніе нашей старой Святой Руси. Чтобы изобразить ихъ съ такою красочностью надо было или самому жить въ ту эпоху, или быть «поэтомъ Божіею милостью».

Впрочемъ одного поэтическаго дарованія было недостаточно, для столь точнаго воспроизведенія картины жизни давно минувшаго прошлаго. Тутъ необходимо было и тщательное изученіе соответствующихъ историческихъ источниковъ. И Пушкинъ признается въ письмѣ къ Раевскому, что онъ долженъ былъ долго углубляться въ нашу лѣтописную сокровищницу и въ исторію Карамзина, чтобы извлечь оттуда подлинный образъ древняго монаха-лѣтописца.

«Характеръ Пимена» пишетъ Пушкинъ, «не есть мое изображеніе. Въ немъ собралъ я черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ; умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности дышать въ сихъ драгоценныхъ памятникахъ время давноминувшихъ,

между коими озлобленная лѣтопись кн. Курбскаго отличается отъ прочихъ лѣтописей, какъ бурная жизнь Иоаннова изгнанника отличалась отъ смиренной жизни безмятежныхъ иноковъ.

Мнѣ казалось, что сей характеръ вмѣстѣ новъ и знакомъ для русскаго сердца; что трогательное равнодушіе древнихъ лѣтописцевъ, столь постигнутое Карамзинымъ и отразившееся въ его безсмертномъ созданіи, украсить простоту моихъ стиховъ и заслужить снисходительную улыбку читателей».*)

Нашъ великій поэтъ былъ слишкомъ скромнень въ оцѣнкѣ своего безсмертнаго произведенія. Читатели «Бориса Годунова» дарили и будутъ дарить его автора не «снисходительной улыбкой», а чувствомъ высокаго свѣтлаго обновляющаго духовнаго восторга, которое рождаетъ въ насъ всякое твореніе истиннаго генія. Пушкинъ тѣмъ и великъ въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, что онъ поднимаетъ насъ надъ землею и пріобщаетъ къ «мірамъ инымъ», открывавшимся ему въ минуты творческаго озаренія. Рожденный «для вдохновенія, для звуковъ сладкихъ и молитвъ», онъ всегда носилъ высокія идеальныя видѣнія въ своемъ сердцѣ, и только «заботы суетнаго свѣта» затѣняли ихъ по временамъ въ сознаніи поэта. За то эти чудныя видѣнія предстали передъ нимъ въ новой силѣ въ послѣднія минуты его жизни, когда очищенный тяжкими предсмертными страданіями и просвѣтленный полученнымъ имъ Христіанскимъ напутствіемъ, онъ стоялъ на грани вѣчности.

Въ своемъ замѣчательномъ письмѣ къ отцу поэта Жуковскій такъ описываетъ выраженіе лица своего почившаго друга.

«Это не былъ ни сонъ, ни покой, не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу, не было также выраженіе поэтическое. Нѣтъ, какая то важная удивительная мысль на немъ разливалась; что то похожее на видѣніе, какое то полное глубоко-удовлетворяющее знаніе. Всмотриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось у него спросить: «что видишь, другъ?».

На этотъ вопросъ могъ бы отвѣтить, конечно, только самъ Пушкинъ.

*) (Письма Пушкина, (3) изд. Суворина, 1887 г. т. 8 стр. 289).

Не узрѣлъ ли онъ тогда лицомъ къ лицу Первообразъ вѣчной истины и красоты, который открывался ему до сихъ поръ только въ отдаленномъ отраженіи въ минуты святого вдохновенія?

Не почувствовалъ ли тогда поэтъ еще

глубже сродство со своимъ монастырскимъ старцемъ Пименомъ, взиравшимъ на тотъ же лучезарный Божественный Ликъ?

Архіепископъ Анастасій,

Иерусалимъ.

Русское и французское Благочестіе.

Мальчикомъ 13 или 14 лѣтъ узналъ я о Св. Серафимѣ Саровскомъ, увидѣвъ на стѣнѣ постоялаго двора въ какой-то глухой деревнѣ одного изъ сѣверныхъ уѣздовъ Тверской губерніи дешевую литографію, изображавшую старца, молящагося въ лѣсу съ воздѣтыми руками. Старецъ тогда еще не былъ канонизированъ, но почитаніе его уже широко распространилось въ народѣ: наши мѣста находятся не ближе, чѣмъ въ 500 верстахъ отъ Сарова.

Съ тѣхъ поръ прошло почти 40 лѣтъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Национальной библиотекѣ, въ Парижѣ, просматривая «Литературную исторію религіознаго чувства во Франціи» аббата Бермона, наткнулся я на снимокъ съ портрета знаменитаго французскаго церковнаго дѣятеля 17-го вѣка, кардинала де Берюлля, и почему то сразу вспомнилъ о Св. Серафимѣ на стѣнѣ избы.

Русскій святой былъ изображенъ одѣтымъ плохо, волосы и борода длинные, нетронутые, такіе, какъ ихъ Богъ растилъ, намять о преподобномъ разносятъ убогія литографіи, но ошибся бы тотъ иностранецъ, который, можетъ быть и доброжелательно, но съ нѣкоторой высокоумѣнной снисходительностью подумалъ бы, что Саровскій подвижникъ — святой спеціально для простыхъ, необразованныхъ людей.

Незримый, но непрерывный мостъ соединяетъ лѣса Темниковскаго уѣзда съ пустынями Синая и Египта, связываетъ бревенчатая келліи русскаго заштатнаго монастыря временъ Императора Александра I-го съ епископскими домами Капподокіи временъ первыхъ византійскихъ императоровъ. Невидимыя, но крѣпкія нити тянутся отъ духа и разума Курскаго купеческаго сына XVIII столѣтія, ставшаго потомъ преподобнымъ Серафимомъ, къ душамъ египетскихъ крестьянскихъ сыновей

IV вѣка, къ душамъ Пахомія и Макарія, и не къ нимъ однимъ, но и ко многимъ другимъ, особенно же, можетъ быть, къ душѣ того знатнаго малоазійскаго грека, вдумчиваго ученика Аѳинской философской школы, котораго все христіанство прославляетъ подъ именемъ Василия Великаго. Не Тамбовское провинціальное благочестіе начала девятнадцатаго вѣка передъ нами, а широта внѣ пространство и время.

Вселенскіе учителя кажутся сейчасъ многимъ недоступными горами. Писанія, жизнь, самыя личности праведниковъ, болѣе близкихъ къ намъ по времени, — ступени и подходы къ этимъ вершинамъ. Вотъ почему старецъ Серафимъ святой не для русскихъ простецовъ только, но святой и для образованныхъ, истосковавшихся по правдѣ людей, не только русскихъ, но, въ будущемъ, навѣрное и иностранцевъ.

Отъ копѣчной деревенской картинки перейдемъ къ кардинальскому портрету: тонкій профиль, подстриженные волосы, холеная укороченная бородка, богатая одежды — пурпуръ и кружева. Вспоминаешь порфиру и виссонъ. Знаменитый Филиппъ де Шампанъ написалъ благочестиваго кардинала Берюлля такъ же, какъ онъ написалъ грѣшнаго кардинала Ришелье. Судя по портрету, русскій человекъ скажетъ и про перваго: «надменный вельможа а не праведникъ».

Приходитъ чередъ русскому человеку судить по видимости и тоже впасть въ ошибку. Но намъ все таки непонятно, какъ Шампанъ, самъ человекъ очень религіозный не сумѣлъ передать духовную красоту и сущность образа Берюлля; еще болѣе удивляешься, какъ Бремонтъ, тонкій и вдумчивый писатель, не почувствовалъ, что помѣщаемое имъ изображеніе Берюлля не соотвѣтствуетъ той характеристикѣ,